

© 2011 г. А.А. СОКОЛЯНСКИЙ

ГРАДУАЛЬНЫЕ ОППОЗИЦИИ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ДЛЯ РУССКОГО ВОКАЛИЗМА

В основе построения русского вокализма лежат две градуальные оппозиции: оппозиция по трем степеням подъема (верхний, средний и нижний) и оппозиция по степени лабиализации (нелабиализованные, слабо лабиализованный [o] и сильно лабиализованный [y]). Предлагаемое решение позволяет интерпретировать литературное аканье в синхронном плане как устранение срединного члена градуальной оппозиции по степени подъема /a – o – y/ > /a – y/. Объяснение получают и другие преобразования русского безударного вокализма. Предлагаемая фонологическая интерпретация русского вокализма позволяет увидеть в современных нейтрализациях гласных не только процессы, которые являются строго позиционно обусловленными, но и явления, которые могут быть объяснены с помощью раскрытия внутреннего устройства фонологических единиц, участвующих в нейтрализации. Это еще один шаг на пути сближения между Московской и Пражской фонологическими школами.

1. Русский вокализм – камень преткновения для разных фонологических школ. После длительных размышлений автор данной статьи пришел к выводу, что русский вокализм построен на противопоставлении двух градуальных оппозиций: градуальной оппозиции по степени подъема и градуальной оппозиции по степени лабиализации. Впервые эта идея была озвучена на конференции в МГУ и в целом присутствующими была воспринята вполне доброжелательно [Соколянский 2001: 244]. Наиболее полное изложение предлагаемых взглядов на строение русского вокализма дано в монографии «Модель многоуровневой фонологии русского языка» [Соколянский 2010: 201–269].

Направление наших поисков было подсказано работой П.С. Кузнецова 1941 года, посвященной фонетике французского языка: «...взаимоотношения фонем, возникающие в результате этих смещений, весьма сложны, проще идти несколько иным путем, чем это мы делаем при установлении фонематического состава русского языка. Проще исходить не из фонем, как элементных звуков-дифференциалов, а из совокупности фонем, в известных случаях противостоящих друг другу, в других случаях не отличающихся друг от друга, но всегда противостоящих другим совокупностям, иными словами, проще начать с того, какие звуковые качества всегда играют смысловозначительную роль, т.е. прежде всего установить, какие в языке имеются гиперфонемы» [Кузнецов 1970: 190]. Позднее схожие идеи высказывал В.А. Виноградов: «...в анализе выделение гиперфонем должно предшествовать выделению фонем, так как последние связаны с более тонкой различительностью: если гиперфонемы различимы в любой позиции, то фонемы различимы лишь в некоторых специальных позициях» [Виноградов 1971: 101].

Следуя этим установкам, от позиций, где представлено минимальное количество гласных, мы постепенно следовали к позициям их максимальной противопоставленности. Тем не менее в данной статье с целью лучшего восприятия материала сохранен традиционный подход: от позиций максимальной дифференциации гласных к позициям их минимальной противопоставленности. В результате был сделан вывод, что преобразования в русском вокализме лучше всего объясняются, если видеть в нем систему из двух градуальных оппозиций.

Известно, что фонология такие оппозиции не любит. Н.С. Трубецкой писал: «Градуальные оппозиции сравнительно редки и не столь важны, как привативные» [Трубецкой 1960: 83]. В дальнейшем особой честью для лингвистики было избавление от градуальных оппозиций, реинтерпретация их как привативных. Именно этой идеей вдохновлялись Р.О. Якобсон и его сотрудники, когда создавали дихотомическую акустическую классификацию звуков, хотя ее применение иногда наталкивалось на сопротивление языкового материала. Так, они были вынуждены констатировать в отношении признака подъема: «Противопоставление “компактный – диффузный” в системе гласных – это единственный признак, при котором, помимо двух крайних членов противопоставления, может возникать средний член...» [Якобсон 1962: 192]. В качестве примера авторами приводится существующее в вокализме румынского языка противопоставление /a/ – /ə/ – /i/. Отношение между членами этого ряда трудно интерпретировать с помощью дихотомических противопоставлений [Там же: 193].

Последовательным сторонником дихотомической классификации был М.В. Панов, он широко ее использовал при создании синтагмо-фонологии. При этом сам М.В. Панов непосредственно не занимался инструментальной фонетикой. Для него главным достоинством новой классификации была не ее акустичность, а ее дихотомичность. Длительное время и мы были убеждены, что описание русского вокализма через призму дихотомической классификации – путь к раскрытию его тайн. При этом оставалась в тени фундаментальная мысль Н.С. Трубецкого о том, что «...определение той или иной фонологической оппозиции как эквиполентной, градуальной или привативной зависит от избранной нами точки зрения. Не следует, однако, думать, что такое определение является чисто субъективным и произвольным. Сама структура и функционирование системы определяют в большинстве случаев совершенно однозначную и объективную классификацию любой оппозиции» [Трубецкой 1960: 84]. Надо принимать то решение, какое подсказывает сама система, а не желание все свести к бинарным противопоставлениям.

Далее рассматривается вокализм русского литературного языка во всем его многообразии. Именно поэтому в сферу рассмотрения попадают явления, уходящие из литературного произношения, и те, которые только получают распространение в современной речи. В некоторых случаях происходит обращение к ближайшему прошлому. Это связано с тем, что объяснению подлежат самые разные типы употребления, а не только те, которые признаны стандартными в рамках того или иного исследования. Действительно, если фонологическая теория объясняет иканье, но вынуждена не замечать эканья, то эта теория не может избежать упрека в том, что она оперирует только специально отобранными фактами. В статье не рассматривается употребление гласных в позиции абсолютного начала слова и после согласных, непарных по твердости – мягкости. Данное изъятие связано исключительно с ограниченным объемом статьи. Предлагаемая нами теория позволяет интерпретировать позиционные изменения гласных и в этих условиях.

2. То, что вокализм русского литературного языка включает в себя три степени подъема, является общепризнанным. Доказывать градуальный характер устройства признака подъема вряд ли необходимо.

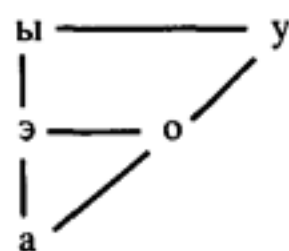
Поведение гласных в безударных позициях характеризуется в том числе и тем, что /o/ теряет лабиализацию в безударном положении, а /y/ держится за нее упорно и крайне редко расстается с этим признаком. Нет случаев, когда бы /y/ и /o/ в каких-либо позициях демонстрировали лабиализованность как общий признак. Нет позиций, в которых бы /o/ и /y/ совпадали или как-то единообразно изменялись, в то время как другие фонемы оставались бы не затронутыми этими процессами. Нейтрализации типа *чёл[и]сти*, *г[ъ] бернаторский* касаются более широкого круга фонем, а не только фонем /y/ и /o/ и специально рассматриваются далее.

Можно прийти к выводу, что лабиализованность у /o/ и /y/ разная. В принципе общеизвестно, что звук [y] имеет более сильную лабиализацию, чем звук [o]. Характеризуя звук [y], Р.И. Аванесов отмечал: «Губы сильно вытянуты вперед (больше, чем при

<о>), образуя узкое отверстие (более узкое, чем при <о>), являющееся границей резонирующей полости» [Аванесов 1984: 55]. Фонология обычно стремится не замечать мелких различий в артикуляции. Так, признак мягкости находит различное выражение у согласных, но мы говорим о том, что фонологически это один и тот же признак. Вместе с тем фонология – это не упрощенная фонетика. Фонология упрощает фонетику в соответствии с требованиями системы, а если система требует иного, то даже незначительные фонетические различия могут стать поводом для фонологического противопоставления единиц. Наша задача состоит в том, чтобы придать признакам [y] и [o] разное содержание. Фонетика позволяет это сделать: отношения между [y] и [o] могут быть рассмотрены как градуальные. Тогда [y] – лабиализованный, а [o] – слабо лабиализованный.

Не следует забывать и соображений диахронического характера в пользу предлагаемой интерпретации русского вокализма. Происхождение лабиализации [y] и [o] в русском языке весьма различно. В праславянском языке определенного периода лабиализация отсутствовала как свойство вокализма (см., например [Журавлев 1961]). Единственной единицей, сохранявшей древнюю праиндоевропейскую лабиализацию, был сонант – неслоговой *и. Именно *и неслоговой является, если так можно выразиться, прародителем лабиализации в славянских языках. В результате монофтонгизации дифтонгов признак лабиализации возвращается в систему вокализма: **tauras* → тѣръ. Признак лабиализации был подкреплён переходом носовой фонемы **aⁿ* (традиционное **oⁿ*) в *и. Это также усилило в восточнославянских языках новую лабиализованную гласную (пока единственную). Значительно позднее восточнославянские языки получают вторую лабиализованную гласную. Главный источник этой новой лабиализованной гласной – старое праславянское *ѣ. Но эта лабиализация была значительно слабее той лабиализации, которая была приобретена *и. Таким образом, лабиализации [y] и [o] возникают на разных этапах становления фонологических систем славянских языков. Не случайно и то, что в дальнейшем многие звуки «дотягивали» только до «слабой» лабиализации [o] (изменения ѣ > o, э > o), а не до «сильной» лабиализации [y].

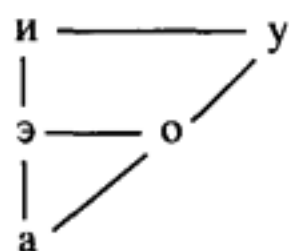
3. Ударный вокализм русского литературного языка после твердых согласных может быть представлен в следующей схеме:

Предлагаемое графическое изображение отношений между гласными обусловлено стремлением избежать давления традиционной схемы, в которой артикуляционный ряд гласных продолжает присутствовать. В данной схеме отношения по вертикали отражают подъем гласных ([а] – нижний подъем, [э], [о] – средний подъем, [ы], [у] – верхний подъем), а отношения по горизонтали – степень лабиализованности гласных ([а], [э], [ы] – нелабиализованные, [о] – слабо лабиализованный, [у] – лабиализованный).

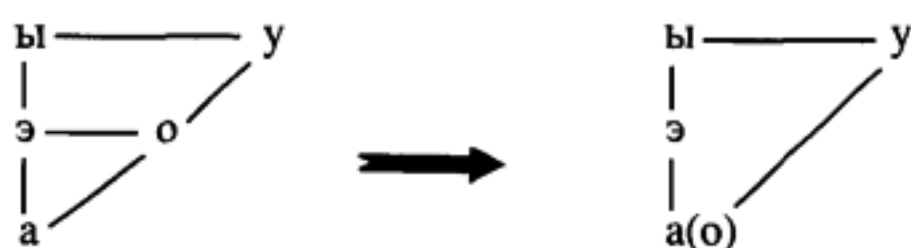
Признаком, достаточным для противопоставления другим гласным, для [o] и [y] является указание на степень их лабиализации. В зоне своего употребления противопоставление по подъему для них не является принципиальным, однако в качестве интегральных данные признаки подлежат анализу, и поэтому о них нельзя забывать.

После мягких согласных представлено также 5 гласных:

Картина в начале слова под ударением почти такая же, но в этой позиции в системе пусть еще не явно, но все же внедряется начальный [ы]. Если признать в качестве редких, но тем не менее закономерных, слова *ы* (название буквы), *ыканье* (лингвистический термин), то для позиции начала слова под ударением следует говорить о 6-фонемном составе гласных (см. примеры употребления начального [ы] в работе А.А. Бурыкина [Бурыкин 2007]).

4. Состав гласных в безударной позиции первого предударного слога в русском литературном языке вовсе не очевиден. Проблемное звено в этой позиции – употребление [э]. На уровне орфоэпии употребление отдельного звука на месте букв *е* и *э* не вызывает сомнений. Вот орфоэпические рекомендации Р.И. Аванесова: «В словах иноязычного происхождения с твердым согласным перед гласным на месте *е* в безударном слоге произносится гласный [э] (перед мягким согласным [э^м]), а не редуцированный звук; ср. [дэ]тэктор, [дэ]дүкция, [дэ]прэссия, а[нэстэ^м]зйя, [рэ]патриация, а[тэ]льё, [дэ]вон» [Аванесов 1984: 221]. Если принять эту рекомендацию как актуальную для современного состояния русского литературного языка, то система гласных в первой позиции после парных по твердости – мягкости согласных может быть представлена как результат преобразования:

Примеры употребления гласных в этой позиции: *б[ы]лá – р[у]дá – тp[а]вá – Инт[э^м]рнét*. Что изменилось в сравнении с ударной позицией? Исчез звук [о]. В рамках предлагаемого подхода это вполне объяснимо. Произошедшее изменение должно рассматриваться как преобразование градуальной оппозиции по степени лабиализации в бинарную оппозицию по лабиализации. Система, включающая в себя противопоставление *нелабиализованный – слабо лабиализованный – сильно лабиализованный*, трансформируется в систему, в которой противопоставляются *нелабиализованные – лабиализованные*. Слабое звено градуальной оппозиции – срединный член. Строго говоря, [о] – дважды срединный член градуальной оппозиции. Во-первых, по степени лабиализации. Это его существенный признак. Во-вторых, по артикуляционному ряду. Этот признак несущественный, однако о нем тоже нельзя забывать.

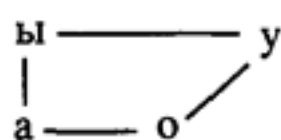
Почему нейтрализация происходит в звуке [а]? Известно, что обычно нейтрализация осуществляется в немаркированном члене оппозиции. Именно поэтому [о] не совпадает с [у], который в данной оппозиции выступает в качестве маркированного члена. По отношению к признаку степени лабиализации [а] – [э] – [ы] все являются немаркированными. В принципе нейтрализация может осуществляться в любом из этих звуков, но выбор системы сделан в пользу [а]. Впрочем, известно, что [а] в этой позиции не вполне тождествен ударному, и это касается не только параметров, напрямую связанных с отличием между ударными и безударными гласными. В работах Л.Л. Касаткина произносимый в этой позиции звук предлагается обозначать как [а^в] или [а^з]: «При произнесении [а] в первом предударном слоге язык не доходит до крайнего нижнего положения, более точное его обозначение [а^з]» [Касаткин 2008: 152–153]. Движение в сторону от [а] приводит к тому, что в первом предударном слоге может произноситься «нелабиализованный [о]», который обозначают с помощью [Л]. Этот звук, как и [а^з], более высокий по подъему, чем [а], а по ряду сдвинут в сторону [о]. Такой тип произношения чаще встречается в Петербурге. В работах Р.И. Аванесова и А.А. Реформатского знак [Л] выступает как абсолютный синоним гласного [а] первого предударного слога. Различать [Л] и [а] первого предударного слога было предложено в работах М.В. Панова и Л. Л. Касаткина.

Думается, что реализации безударных гласных в русском языке нуждаются в дополнительном изучении, но зона их реализации, исходя из фонологического строения

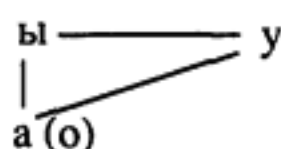
русского безударного вокализма, может быть определена и без дополнительных наблюдений. Эта зона включает в себя пространство от [a] через [a³] к [Λ]. Сама эта зона подтверждает наше решение о том, что снятие противопоставления [a] и [o] связано с устранением признака слабой лабиализации, что позволяет звуку в позиции нейтрализации относительно свободно варьироваться по признаку подъема. На фонемном уровне преобразование может быть описано как /o/ × /a/ → /A/. Специфика архифонемы /A/ состоит в том, что, с одной стороны, она, как и положено архифонеме, является представителем двух фонем в сильной позиции, с другой стороны – она не имеет более короткой признаковой характеристики, чем /a/. Преобразование характеристики происходит не на количественном, а на качественном уровне. Оно состоит в том, что градуальная оппозиция по степени лабиализации преобразуется в бинарную оппозицию по лабиализации.

В разговорной речи возможно появление произношения типа *n[y] утрáм, n[y] углу́*. Нейтрализация /a/ – /o/ – /y/ легко объясняется с помощью предлагаемой интерпретации русского вокализма. Н.С. Трубецкой относил такого рода нейтрализации к обусловленным контекстом [Трубецкой 1960: 256–264]. В данном случае происходит нейтрализация всех членов градуальной оппозиции по степени лабиализации, а выбор представителя архифонемы обусловлен находящейся в следующем слоге фонемой /y/. Произношение *n[y] утрáм* и т.п., скорее всего, не относится к числу широко распространенных. В русском языке имеются факты, когда подобная нейтрализация в схожей позиции осуществляется в пользу нелабиализованного гласного. Уже в начале XX в. (1908) В.И. Чернышев рассматривал произношение типа *дóбр[ъ]ю* вместо *дóбр[y]ю* фактически как нормативное: «Неударяемые окончания прилагательных винительного падежа женского рода единственного числа -ую, -юю заменяются в произношении окончаниями -ью (вместо -ою) и -ию (вместо -ею): *дóбрыю сестру́, кáминную стéну, сíнию краску, здéшнюю жы́тильницу* и т.п.» [Чернышев 1970: 82]. Правда, позднее Р.И. Аванесов оценивал такое произношение как нелитературное [Аванесов 1984: 199]. Сходство между этими нейтрализациями состоит в том, что стимулом к обеим служит соседство с /y/. Различие заключается в разном объеме включенных в нейтрализацию фонем.

5. При всем том, что мы стремимся оставаться в рамках строгой синхронии, нельзя было избежать искушения обратиться к самой ближайшей диахронии. Ведь современное состояние – это производное от состояния предыдущих эпох. Поэтому предпочтения ближайшего прошлого могут оказывать влияние на предпочтения по времени более поздние. На одном из ближайших этапов в развитии русского вокализма после твердых согласных не было [э]. Слова типа *темп, кредо, денди* входили в особую произносительную систему заимствованных слов. Следовательно, под ударением система гласных имела такой вид:

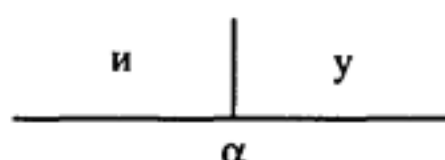

При таком решении звуки [a] и [o] оказываются принадлежащими к одному ряду – нижнему. Следовательно, устранение из системы признака слабой лабиализации должно привести к совпадению [a] и [o]. Они совпадают в одном звуке [a], и система приобретает такой вид:

6. Система, которая содержит в своем составе /э/ после твердых согласных в безударной позиции, враждебна аканью. Именно поэтому Р.И. Аванесов, рекомендуя в орфоэпических руководствах произношение [э] в позиции без ударения, в своих фонологических рассуждениях не считал такое употребление закономерным. Говоря о вокализме первого предударного слога, Р.И. Аванесов писал: «В первом предударном слоге неза-

висимыми, фонетически необусловленными сторонами гласных является различие двух степеней подъема – верхнего и неверхнего, а для верхнего, кроме того, различие отсутствия или наличия лабиализации. Это показано в таблице:

[Аванесов 1956: 106].

Так же он поступал в отношении ударного [э] после твердых согласных: принимая этот звук как факт, он не считал его употребление частью системы [Там же: 99].

Оставив у себя «в тылу» безударный [э], Р.И. Аванесов вынужден вернуться к нему позже: «В словах иноязычного происхождения после твердых парных согласных может произноситься [e]; при этом гласный [e], находясь после твердого согласного, отодвигается несколько назад – произносится [э]: [интэграл], [дэдүкцыя], [модэратър], [дэ-жүрэ]» [Там же: 113]. Этому употреблению Р.И. Аванесов не придает системного значения и анализирует вокализм русского литературного языка без учета слов подобного рода: «Все это ведет к нарушению принципа аканья, к различению разных гласных неверхнего подъема в безударных слогах... Поэтому такое произношение удобнее трактовать, как выходящее за пределы общей системы, чем создающее новую систему (с различием гласных неверхнего подъема)» [Там же: 113].

В принципе Р.И. Аванесов прав: система с наличием /э/ в безударной позиции не предполагает аканья как фонетически закономерного явления. При наличии [э] утрата слабой лабиализации не должна автоматически приводить к совпадению [а] и [о]. Скорее, [о] должно стремиться в зону родственного по подъему [э], а не в зону реализации [а]. Тем не менее этого в русском языке не происходило и не происходит.

Можно предположить, что дело заключается в следующем. Система, не включающая в себя [э], хорошо сочеталась с аканьем и объясняла его. Новая система фактически приводила к тому, что утрата признака слабой лабиализации у /о/ должна была приводить к нейтрализации не столько с /а/, сколько с /э/. Все это объективно превращало аканье в морфонологическое явление, при котором изменение [о] > [а] уже не было фонетически закономерным. Думается, что аканье сохранилось благодаря мощной поддержке со стороны парадигматики. На момент появления в системе безударного [э] в русском языке уже сложилась система чередования *o // a*, представленная очень большим количеством примеров: *н[о]ги – н[а]га, ст[о]л – ст[а]лы, д[о]м – д[а]ма, х[о]д – х[а]дить, мол[о]чный – мол[а]ко* и др. Новая система предоставляла звуку [о] возможность в безударной позиции чередоваться как с [а], так и с [э]. Но выбор был уже сделан самим фактом существования огромного массива слов, для которого обычным было чередование *o // a*. Парадигматика воспрепятствовала появлению новых синтагматических закономерностей. Синтагматика сильно не сопротивлялась, так как само по себе чередование *o // a* не нарушало системы, просто новая система категорически не возбраняла чередование *o // э*, но это новое возможное чередование оказалось невостребованным.

Необходимо принять во внимание также и то, что сам звук [э] в анализируемой позиции не был достаточно надежным партнером для нейтрализации, поскольку, являясь срединным членом градуальной оппозиции по степени подъема, стал менять свое качество, постепенно дрейфуя в сторону [ы]. Иначе говоря, наряду с произношением [э] в словах типа *интеграл* стали произносить [э^м], [ы^э] и даже просто [ы].

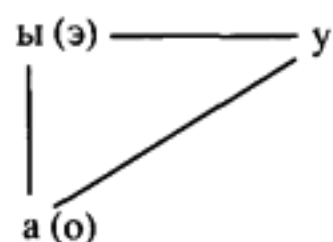
Для нашего сюжета крайне важно решить, что произносится сегодня на месте буквы *e* в словах типа *интеграл*. Орфоэпические рекомендации Р.И. Аванесова, думается, остаются актуальными, поэтому нельзя накладывать запрет на произношение в этих случаях [э]. Даже если дополнительные исследования покажут, что такое произношение встречается крайне редко, следует помнить, что за ним авторитет традиции, от которой нет смысла решительно отмежевываться. Бесспорно, сегодня чистый [э] в сло-

вах этого типа звучит крайне редко. В анализируемой позиции могут произноситься гласные, которые можно обозначить следующим рядом: [э – э^в – ы^в – ы]. Первые три типа произношения сохраняют противопоставление в этой позиции 4 единиц, последнее употребление сохраняет только 3 единицы.

Исконно русские слова за свою долгую историю существования приучены к разноударности. Исследователю легко подобрать примеры, иллюстрирующие видоизменения гласных в зависимости от ударения. Заимствованные слова более чопорны: в своих языках они зачастую привыкли к тому, что ударение всегда падает на один и тот же слог. В русском языке они не хотят менять своих привычек. Даже если заимствованное слово приходит к нам из языка с подвижным ударением (например, польского), в русском языке оно стремится сохранять ударение на одном и том же слоге. Иноязычность напоминает о себе даже в том случае, при котором мы признали фонетику слов типа *мэр*, *отель* и др. вполне отвечающей духу русского языка. Отсутствие чередований напоминает об их заимствованном характере.

Среди заимствованных слов много таких, для которых отсутствует ударное соответствие у гласного, обозначаемого на письме буквой *e*: *астения*, *атеизм*, *ателье*, *астероид*, *аутентичный*, *ватерпас*, *бутерброд*, *интернировать*, *интервью*, *интенсивный*, *протезе*, *фортепьяно*, *экстенсивный*, *экстерьер*, *Интернет*, *декан*, *интеграл*, *дедукция*, *модератор* и др. Но даже чопорные заимствованные слова вынуждены подчиняться законам русского языка. Укореняясь в русском языке и обрастая словообразовательными связями, они уже сформировали достаточно устойчивую систему чередования ударного [э] со звуками в первой позиции: *перфэ́кт* – *перфэ́ктíвный*, *новэ́лла* – *новэ́ллисти́ка*, *патэ́тика* – *патэ́ти́ческий*, *протэ́з* – *протэ́зи́ровать*, *синтэ́тика* – *синтэ́ти́ческий*, *э́кстэрн* – *э́кстэрна́т*, *э́стэ́т* – *э́стэ́ти́ческий*, *геодэ́зия* – *геодэ́зи́ческий*, *пропедэ́втика* – *пропедэ́вти́ческий*, *генэ́тика* – *генэ́ти́ческий*, *герменэ́втика* – *герменэ́вти́ческий*, *э́не́ргия* – *э́не́ргичный*, *фонэ́тика* – *фонэ́ти́ческий* и др. Некоторые из приведенных слов имеют и орфоэпический вариант с мягким согласным перед [э], но нас сейчас интересует только твердое произношение согласных в этой позиции.

Сегодня в словах типа *интеграл*, *дедукция* и др. возможно произнесение как почти чистого [э] (рекомендация Р.И. Аванссова), так и звуков, максимально приближенных к [ы], что в транскрипции может быть обозначено как [э^в] или [ы^в]. Безусловно, существует и такой тип произношения, при котором произносится просто [ы]. Это создает новую фонологическую систему с противопоставлением трех гласных:

Эта система возникает в результате трансформации двух градуальных оппозиций в бинарные. Утрачивается как противопоставление по степени лабиализации, так и по степени подъема. Происходят две нейтрализации: [а] × [о] → [а], [ы] × [э] → [ы]. Теперь аканью ничего не угрожает. По крайней мере, в этой позиции.

Как уже состоявшийся факт рассматривает нейтрализацию /и/ и /э/ в этой позиции Л.Л. Касаткин: «После парных твердых согласных нейтрализуются <и, э>, совпадая в звуке [ы^в], и <о, а>, совпадая в [а] (точнее [а^в], в другом обозначении – [а]): *с[ы]р* – *с[ы^в]* *ры*, *мод[э]ль* – *мод[ы^в]ли́ровать*; *д[о]м* – *д[а^в]ма́*, *тр[á]вы* – *тр[а^в]ва*» [Касаткин 1999: 478]. Из такой же системы при интерпретации поведения русского безударного вокализма исходит С.В. Князев [Князев 2006: 129]. Признавая то, что такое произношение является сегодня наиболее распространенным, считаем, однако, что фонологической интерпретации должны подлежать и менее распространенные фонетические системы, тем более те, на стороне которых еще авторитет орфоэпических руководств.

Пока трудно сказать, каково соотношение четырехчленной и трехчленной систем. Для доказательства того, что переход к трехчленной системе уже состоялся, потребу-

ются исследования, сопоставимые по своим масштабам с теми, что проводились при установлении господства иканья над эканьем.

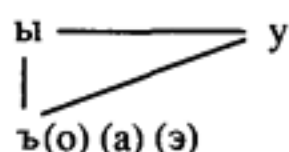
Итак, в анализируемой позиции представлены сегодня два варианта вокализма: с противопоставлением 4 единиц и с противопоставлением 3 единиц:

Первая система реализуется в произношении: *б[ы]ла́ – р[у]да́ – тр[а]ва́, др[а]ва́ – Инт[э]рне́т, Инт[э^м]рне́т, Инт[ы^р]рне́т*. Вторая система реализуется в произношении: *б[ы]ла́, Инт[ы]рне́т – р[у]да́ – тр[а]ва́, др[а]ва́*.

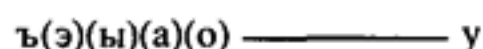
7. Во второй позиции после твердых согласных, опираясь на существующие описания, можно предполагать существование четырех систем произношения: четырехчленной, трехчленной, двучленной и одночленной. Сегодня есть все основания усомниться в реальности четырехчленной системы произношения, но именно на нее указывают существующие орфоэпические рекомендации, до сих пор решительно не отмененные. Р.И. Аванесов в разделе «Произношение гласного на месте *E* в безударных слогах» не различает первой и второй позиции: «В словах иноязычного происхождения с твердым согласным перед гласным на месте *e* в безударном слоге произносится гласный [э] (перед мягким согласным [э^н]), а не редуцированный звук; ср. [дэ]тэктор, [дэ]дүкция, [дэ]прэссия, а[нэстэ^н]зья, [рэ]патриация, а[тэ]лье, [дэ]вон» [Аванесов 1984: 221]. Как видим, различий между первой и второй позицией в данном случае Р.И. Аванесов не делал, даже примеры дал в произвольном порядке. Вероятно, четырехчленную систему можно рассматривать как реализующую фонетическую подсистему заимствованных слов. С другой стороны, можно предположить, что она имеет полувиртуальное бытование, так как вряд ли существует такая сфера общения, в которой бы она могла иметь регулярную реализацию. Система с противопоставлением четырех единиц устроена принципиально так же, как и система после твердых согласных в первой позиции. Изменение касается только того, что в качестве гласного нижнего подъема теперь выступает [ъ]: *г[ъ]лова́ – п[ъ]лево́й*.

Система с противопоставлением трех единиц устроена принципиально так же, как и система после твердых согласных в первой позиции. Она является наиболее употребительной:

Имеется в виду такое произношение: *г[ъ]лова́ – п[ъ]лево́й – вольт[ъ]риа́нский – перф[ъ]ктивация́ – нов[ъ]ллисти́ческий – пот[ъ]нциальный – т[ъ]мпори́тм – т[ъ]ннисист – мод[ъ]рниза́ция*

Современным тенденциям изменения вокализма более соответствует двучленная система, сегодня она составляет явную конкуренцию трехчленной системе:

Примеры употребления гласных в двучленной системе: *т[ъ]лови́к – п[ъ]лево́й – г[ъ]лова́ – вольт[ъ]риа́нский – перф[ъ]ктивация́ – нов[ъ]ллисти́ческий – пот[ъ]нциальный – т[ъ]мпори́тм – т[ъ]ннисист – мод[ъ]рниза́ция*.

В системе с противопоставлением двух единиц происходит утрата признака подъема как такового. Единственным признаком, позволяющим различать гласные, остается признак наличия или отсутствия лабиализации.

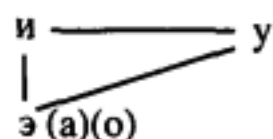
8. В русском языке активно формируется система, при которой утрачивается противопоставление и гласных [ъ] – [у]. Уже много лет исследователи фиксируют такое произношение, как *grád[ъ]с, nár[ъ]с*. Условия утраты этого противопоставления пока окончательно не определились. Обычно это заударные позиции. Но одной заударности мало. Необходимы дополнительные обстоятельства в виде того, что можно назвать речевыми позициями: быстрый темп говорения, слабая фразовая позиция, отсутствие официальности в общении, высокая частотность слова в контексте его употребления и др.

Является ли рассмотренный случай предельным примером сокращения числа гласных? Вероятно, нет. На значительном расстоянии от ударения или в заударной позиции в соседстве с сонорными может возникать такая ситуация, при которой реализация одиночного сонорного и его сочетание с гласным перестает различаться. Как правило, это хорошо заметно на примере малочастотных слов. Есть такие названия медицинских препаратов, как *галазолín* (капли для носа) и *промедóл* (слабый наркотик, широко употребляемый в медицинской практике при необходимости снятия болезненных ощущений). В свое время автор статьи название обоих препаратов воспринял на слух и долгое время интерпретировал их фонетическую форму как [глъзалín] (была ассоциация со словом *глаз*) и [пъръм'идóл] (вероятно, оказывало влияние то, что книжные слова часто начинаются с *пара*). Уже имея достаточный опыт употребления этих слов в своей речи и в речи окружающих, с удивлением узнал, как они пишутся. Ни у меня, ни у окружающих не возникло коммуникативных проблем с употреблением данных слов. Следовательно, можно говорить о том, что в русском языке есть редкие примеры совпадения в произношении одиночных сонорных и сочетаний сонорных с гласными.

То же явление представлено и в словах типа *педиатр, психиатр, театр, клуб* – с одной стороны, и в словах типа *инициатор, организатор, император* (но *императрица*), *композитор, литератор, экзекутор* – с другой. Заударные финалы типа *-áтр* и *áтьр* могут произноситься одинаково. Следовательно, можно говорить о ситуации, когда нейтрализуется противопоставление гласного и сочетания согласных.

Итак, мы пришли к предельному случаю, когда гласный даже не противопоставлен сам себе, он полностью устраняется из противопоставления.

9. В первом предударном слоге после мягких согласных уже не первое десятилетие господствует икающая норма. Тем не менее на эканье не наложен запрет, оно – часть литературной системы, хотя и архаичной. Его представляет такая схема:

При эканье происходит устранение признака слабой лабиализации и утрата среднего подъема. При иканье противопоставление по подъему утрачивается целиком, остается только противопоставление гласных по бинарному признаку лабиализации.

Та же система представлена и во второй позиции, различия заключаются в не очень значительных фонетических отличиях, связанных с большей редуциацией гласных. Одно время эту более сильную редуциацию гласных было принято обозначать с помощью особого значка – ь: [п'ь]тачóк – [л'ь]нестóк. Однако сегодня многие авторы избегают употребления знака ь в транскрипции, что само по себе не отменяет большей редуциации гласного во второй позиции по сравнению с первой. В работах последнего времени Л.Л. Касаткин гласный звук в этой позиции обозначает как [и³]: [л'и³]сiца – [л'и³]бáжий – [п'и³]тачóк – [л'и³]нестóк. Он исходит из того, что в безударной позиции гласные не дотягивают до своих ударных эквивалентов, поэтому их артикуляция является более вялой, вследствие чего произносят: д[ó]м – д[а³]мá, д[ý]ра – д[у³]рáк, л[í]с – л[и³]сá [Касаткин 2008].

Как и после твердых согласных, в анализируемой позиции происходит процесс вовлечения в нейтрализацию /y/. Но после мягких это явление охватывает не только вторую, но и первую позицию. Имеется в виду произношение *че́[л'и]сти, но́[л'и]с, ош[и]ще́ние* и т.п. Такое произношение формирует систему, в которой функционирует один гласный [и], противопоставленный своему отсутствию.

Для этой позиции характерна также и нулевая нейтрализация гласных, которая в ряде случаев носит уже почти регулярный характер: «В неконечном заударном слоге в сочетании [т'и'л'], стоящем после гласного и перед согласным, звук [и'] может выпадать, передавая слоговость следующему [л']. При этом возникает артикуляция согласных [т'л'] с непрерывной смычкой языка с верхними зубами: *жи́тельница, писа́тельница, учи́тельница; внима́тельнее, дли́тельнее, последо́вательнее; жи́тельство, законода́тельство, издава́тельство; зри́тельский, люби́тельский, обыва́тельский; по-прия́тельски, преда́тельски; পে́тельница, тью́тельница*» [Касаткин 2008: 192]. В данном случае речь идет именно о нулевой нейтрализации, так как слоговость согласного сама по себе в этой позиции не принимает на себя функции гласного. Проще говоря, если бы в русском языке оказались пары слов типа *жи́тельница – жи́тльница*, то они бы произносились одинаково.

Предлагаемая фонологическая интерпретация русского вокализма позволяет увидеть в современных нейтрализациях гласных не только процессы, которые являются строго позиционно обусловленными, но и явления, которые могут быть объяснены с помощью раскрытия внутреннего устройства фонологических единиц, участвующих в нейтрализации. Это еще один шаг на пути сближения между Московской и Пражской фонологическими школами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1956 – Р.И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов 1984 – Р.И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1984.
- Бурыкин 2007 – А.А. Бурыкин. Сколько слов с начальным <ы> в русском языке? // Фонетика сегодня. Материалы докл. и сообщ. V Международной науч. конф. 8–10 октября 2007 года. М., 2007.
- Виноградов 1971 – В.А. Виноградов. ОЗПЕРАНД [АС'П'ИРА́НТ]. К проблеме гиперфонемы // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
- Журавлев 1961 – В.К. Журавлев. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке // ВЯ. 1961. № 4.
- Касаткин 1999 – Л.Л. Касаткин. Чередования гласных после [ш, ж, ц] в русском литературном языке // Л.Л. Касаткин. Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2008 – Л.Л. Касаткин. Современный русский язык. Фонетика. М., 2008.
- Князев 2006 – С.В. Князев. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006.
- Кузнецов 1970 – П.С. Кузнецов. К вопросу о фонематической системе французского языка // А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Соколянский 2001 – А.А. Соколянский. Фонологическая интерпретация русского вокализма // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2001.
- Соколянский 2010 – А.А. Соколянский. Модель многоуровневой фонологии русского языка. Магдан, 2010.
- Трубецкой 1960 – Н.С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960.
- Чернышев 1970 – В.И. Чернышев. Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Ударение // В.И. Чернышев. Избранные работы: В 2 т. Т. 1. М., 1970.
- Якобсон 1962 – Р.О. Якобсон, Г.М. Фант, М. Халле. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.